

«Интеллектом просто надо быть...» (Воспоминания внучки)

А. С. ШУХОВА, архитектор

Рассматривая фотографии Владимира Григорьевича Шухова, люди часто говорят, что он похож на Чехова, Чайковского. И это не удивительно, хотя дело здесь вовсе не в портретном сходстве. На память приходят слова акад. Д. С. Лихачева о том, что при большом желании человек может принять лик любой добродетели, но облик интеллигента при всех ухищрениях принять невозможно: интеллигентом просто надо быть. Так вот этих людей объединяет истинная интеллигентность, одухотворенность, благородство души, которые озаряют их внешний облик.

В моей памяти сохранилось то благоговение, которое испытывали и наши родители, и мы, дети, по отношению к дедушке.

Владимир Григорьевич был среднего роста, худощавым, с ясными голубыми глазами. Очень мало ел, спал по четыре — пять часов, был всегда подтянут, безукоризненно опрятен. Мы никогда не видели его дремлющим в кресле или лежащим на диване. В кабинете его царил безупречный порядок.

Большую часть дня дедушка проводил за письменным столом. Он работал до конца своих дней. Последнюю запись в рабочей тетради сделал незадолго до смерти: «Антропов А. С., инженер. Газгольдер водяной». Все его записи отличаются лаконичностью, как и расчеты, и формулы, которые он выводил часто без промежуточных действий.

О краткости записей в его дневнике (а он вел дневник всю жизнь) говорит, например, такая запись, датированная 30 июля 1921 г.: «Приговор Шухову — условный расстрел». О таком страшном событии — и всего четыре слова. Условный расстрел — ввиду его крайней незаменимости, за аварию, произошедшую совсем не по его вине при строительстве радиобашни. Мой отец рассказывал, что дедушка, уверенный в своей правоте, при монтаже стоял внутри башни под подни-

маемыми секциями, как это всегда делали настоящие инженеры.

Но вернусь к своим детским впечатлениям. Дедушка был очень добр и ласков с нами. Мы часто приходили к нему в гости, а когда умерла бабуш-

Жена В. Г. Шухова Анна Николаевна и их дети: Ксения, Фавий, Вера, Сергей, Володя (на руках у няни). Фото В. Г. Шухова. 1900 г.

ка и дедушка сильно тосковал, моя сестра некоторое время жила у него в доме. Она рассказывала, как дедушка защищал ее от взрослых, которые пытались утихомирить разбалававшегося ребенка. Он уводил ее к себе и вел ласковые беседы. А как он восхищался моей робкой игрой на их прекрасном концертном рояле! При этом дедушка держался с нами на равных, уважая наше человеческое достоинство и никак не проявляя своего превосходства.

Мы с сестрой помним, как в его кабинете, в книжном шкафу, украшенном резьбой, всегда стояла коробка с шоколадными конфетами, которыми он обязательно угощал нас, детей. Он вообще был приветлив и угощал всех, кто к нему приходил. Самым же главным «угощением», неизбежным удовольствием и для де-

тей, и для многочисленных гостей, был просмотр через специальный стереоскоп объемных снимков из его богатейшей коллекции. Дедушка снимал и свои конструкции в ходе их возведения, и своих близких, и архитектурные памятники, и пейзажи. Что бы ни происходило в Москве, он всегда успевал побывать на месте события и запечатлеть увиденное. На его снимках и залитые водой московские улицы во время страшного наводнения 1908 г., и последствия урагана 1904-го, и события первой русской революции, и вербный базар на Красной площади. И снимки его так же красивы, как и его конструкции.

О своем происхождении дедушка рассказывал так: «Мой пращур был вольный штатский человек, мобилизованный на войну со шведами, и за храбрость в бою под Полтавой Петр I пожаловал его дворянством». С тех пор все Шуховы становились кадровыми офицерами русской армии. Традицию нарушил отец дедушки, Григорий Петрович. Не чувствуя призвания к военному делу, он окончил Харьковский университет, служил по Министерству финансов и Ведомству императрицы Марии, занимавшемуся учебными и благотворительными заведениями; имел чин действительного статского советника — «штатского генерала» и почетные ордена. В Григории Петровиче было очень сильно духовное начало. Безукоризненная честность, ум, широкий кругозор, тонкость чувств привлекали к нему многих выдающихся людей. Его другом был, например, хирург Н. И. Пирогов.

Мать В. Г. Шухова, Вера Капитоновна, тоже происходила из военной среды: ее отец, Капитон Михайлович Пожидаев, был героем Кавказской войны. Натура незаурядная, Вера Капитоновна была наделена огромным запасом энергии, воли, жизненной силы, а также интуицией, доходящей до ясновидения. Незадолго до смерти ей привиделся фамильный склеп и в нем обаятельный пламенем сын. «Кто там весь в огне?! Володечка! Володечка!» — в ужасе вскричала она. Владимир Григорьевич ведь умер от ожога!

В нашей семье существует предание о том, как Вера Капитоновна вместе с Григорием Петровичем

появилась на балу в Петербурге во время приезда в столицу «короля вальсов» Иоганна Штрауса. Она произвела на него сильное впечатление, он увлекся ею, написал вальс и посвятил его ей.

Соединение столь ярких и в то же время противоположных начал — высокого духа и жизненной силы — и высекло искру гениальности в лице моего деда.

Родился В. Г. Шухов в г. Грайвороне Курской губернии (Белгородская обл.). Детство его прошло в имени бабушки. Лет с шести мальчик проявлял исключительные способности и страсть к книгам. Окружающих поражала изобретательность Володи: то он устраивал фонтан, используя старые трубы, то, запрудив ручей, соорудил мельницу. Десяти лет поступил в Пятую классическую гимназию в Петербурге, где учился блестяще. Будучи гимназистом четвертого класса, он привел собственное, краткое доказательство теоремы Пифагора, поразив учителя необычностью решения.

Пережив в молодые годы увлечение Ольгой Леонардовной Книппер, в сорокалетнем возрасте Владимир Григорьевич женился на Анне Николаевне Мединцевой, приходившейся дальней родственницей Анне Ахматовой. У дедушки и бабушки было пятеро детей: Ксения, Сергей, Фавий, Вера и Владимир.

Детей с ранних лет обучали искусству, и они начали рано проявлять творческие способности. Искусство, вообще, играло большую роль в жизни всей семьи. Анна Николаевна серьезно интересовалась литературой и театром, с ее мнением считались в литературных салонах. Владимир Григорьевич любил балет и классическую музыку, особенно произведения Чайковского, Рахманинова, Шопена. В доме устраивались настоящие музыкальные вечера с участием К. Н. Игумнова, А. Б. Гольденвейзера, по классу которого на виртуозном отделении Московской консерватории училась Ксения. Фавий играл на скрипке, Вера выступала на балетной сцене. Мой отец, Сергей, выдержав большой конкурс, поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества.

Наряду с художественными Сер-

гей обладал и незаурядными математическими способностями. Они были очень близки с дедушкой, который в определенной степени считал старшего сына своим преемником. Впоследствии отец окончил МВТУ, проектировал сооружения нефтяной промышленности, большепролетные цехи стекольных заводов и заводов цветной металлургии, принимал участие в восстановлении пострадавших во время войны Большого и Вахтанговского театров.

Живя интенсивной творческой жизнью, получив прекрасное воспитание, дедушка был внутренне свободным человеком, обладавшим ярко выраженным чувством собственного достоинства, которое он всячески поощрял в окружающих. «*Не было случая, — вспоминает мой отец, — чтобы Владимир Григорьевич кому-нибудь приказывал или на кого-нибудь повышал голос. И с прислугой, и с дворником он был безукоризненно вежлив в обращении.*»

Дедушка мечтал, чтобы в народе было разбуждено чувство собственного достоинства. Он страдал от его униженности, от недостатка культуры.

Октябрьскую революцию дедушка воспринял отрицательно: она посягала на главные для него ценности — свободу и культуру. И все-таки без колебаний он остался на родине, в который уже раз отказавшись уехать за границу. Все свое состояние, включая собственный дом, все права на изобретения отдал государству. И продолжал работать.

Однако жизнь его в советское время была далеко не безоблачной. Читая в дневниках дедушки записанную буквально по дням историю создания его непревзойденного шедевра — радиобашни, невольно поражаешься: что давало силы уже немалодому человеку работать в таких условиях, когда недели, месяцы, которые он мог посвятить творчеству, уходили впустую из-за бесконечных проверок, плохой организации работ, вечной нехватки материалов, инструмента, техники, когда приходилось все время что-то «выбивать», доставать. А это, пожалуй, единственное, что делать ему было неприятно и трудно. Но в дневнике нет жалоб, только короткая фраза

«я устал» встречается несколько раз.

Нелегко жилось Владимиру Григорьевичу еще и потому, что он был человек прямой, открыто высказывавший свои суждения. Отцу рассказывали, как о Владимире Григорьевиче отзывался Серго Орджоникидзе: «*В отличие от многих старых спецов, которые нам льстили, когда мы делали ошибки, Шухов указывал нам на наши просчеты смело, не боясь. Многие этого не понимали, и только потом приходилось убеждаться в правоте и искренности Владимира Григорьевича. Он был поставлен в тяжелое положение, когда вступал в дебаты с подхалимами и невеждами. Ему неоднократно хотели приписать преднамеренно неправильные действия, но не было вопроса, который Владимир Григорьевич не решил бы успешно.*»

От гибели в сталинскую эпоху его спасла только незаменимость. Кто, кроме него, мог решить сложнейшие задачи, поставленные временем, да еще наилучшим образом и в кратчайшие сроки? Дедушка и сам это прекрасно понимал. В 1919 г. он записал в дневнике: «*Мы должны работать независимо от политики. Башни, котлы, стропила нужны, и мы будем нужны.*»

Владимир Григорьевич заражал сотрудников своей неисчерпаемой творческой энергией и оригинальными идеями. Он нес в себе такой колоссальный запас положительных эмоций, так красиво решал любую задачу, что пробуждал в людях ответную реакцию. С ним хотелось работать, не считаясь со временем.

Личность В. Г. Шухова не укладывается в обычные рамки. Увлечение фотографией, спортом, шахматами, историей на профессиональном уровне, художественный вкус, разнообразные научные интересы. И все это наряду с главным — множеством изобретений и проектов, в которых всегда найдено оптимальное решение. Кажется невероятным, что все сделал один человек. Объясняется это, на мой взгляд, тем, что ему было дано постичь философию жизни, увидеть целостную картину мироздания, проникнуть в суть явлений, их причины и взаимосвязь. ■

«Не капитал, но духовная энергия инженера...»

ШУХОВА Е. М., архитектор

В 1876 г. во время командировки на Всемирную выставку в Филадельфии, куда его направили как лучшего выпускника Императорского московского технического училища (ИМТУ), В. Г. Шухов познакомился с Александром Вениаминовичем Бари. Эта встреча решила судьбу каждого из них и во многом определила развитие русского инженерного дела.

А. В. Бари родился в Петербурге в 1847 г. Его отец, В. М. Бари, уроженец Прибалтики, окончил в Кенигсберге высшее талмудическое училище и должен был стать раввином, но вместо этого принял лютеранство и несколько лет безуспешно пытался устроиться при правительстве «на службу для поручений по еврейским делам». Потерпев неудачу, он осел в Петербурге, был учителем немецкого языка при Дворянском полку, потом открыл частный пансион и вступил в переписку с Карлом Марксом. Его личностью заинтересовалось Третье отделение, и В. М. Бари считал за лучшее с семьей перебраться в Швейцарию. Александр поступил в Цюрихе в знаменитый Политехникум, где познакомился с проходившим стажировку после окончания университета Ф. Е. Орловым — будущим профессором ИМТУ, любимым учителем В. Г. Шухова. Судя по дневниковым записям Федора Евпловича, А. В. Бари уже в студенческие годы проявлял незаурядные организаторские способности.

В 1870 г. по окончании Политехникума Бари отправился в США. Спустя шесть лет он преуспел настолько, что открыл в Филадельфии техническую контору и возглавил городское Общество инженеров. Энергичный, имевший безошибочное чутье на людей, Бари быстро добился успеха как предприниматель. Собственно инженерная деятельность привлекала его мало.

Получив престижный подряд на строительство павильонов Всемир-

ной выставки, Александр Вениаминович приобрел еще больший авторитет в технических кругах.

На выставке он завязал новые и укрепил прежние связи с русскими специалистами. По свидетельству профессоров ИМТУ, он встретил их

В. Г. Шухов (слева) и А. В. Бари. 1885 г.

«с радушием человека, не забывающего родину... указал, как действовать, чтобы поездка в Америку при краткости времени не оказалась бесполезной», показал предприятия Филадельфии.

Проф. Орлов обратил внимание Александра Вениаминовича на необыкновенно даровитого молодого человека — В. Г. Шухова, и год спустя, бросив налаженную жизнь, но сохранив американское гражданство, А. В. Бари с женой и дочкой возвратились на родину. Разыскав в столице Владимира Григорьевича, он предложил ему совместную деятельность. В 1878 г. молодые люди отправились в Баку, где в ту пору начинала развиваться нефтяная промышленность.

Выполняя заказы компаний братьев Нобель, Г. М. Лианозова, С. М. Шибаева и других, Шухов су-

мел в короткий срок разрешить весь комплекс вопросов, связанных с добычей, хранением, транспортировкой и переработкой нефти, и поставить дело на научную основу.

Окрыленный успехом Бари, до тех пор выступавший посредником между Шуховым и заказчиками, решил открыть в Москве проектно-строительную фирму, пригласив Владимира Григорьевича на должности технического директора и главного инженера, а себе взяв чисто административные функции. Официальная дата основания «Строительной конторы инженера А. В. Бари» — 1 декабря 1880 г.

Нужно сказать, что в те годы, если не считать узкоспециализированных конструкторских бюро при заводах, проектных контор как таковых еще не существовало. Так что самостоятельная постоянно действующая широкого профиля проектная фирма Бари оказалась едва ли не первой в стране организацией подобного рода.

С первых дней в основу деятельности Строительной конторы был положен принцип, неукоснительно соблюдавшийся все время ее существования: минимум сотрудников при разнообразном диапазоне и высочайшем качестве выполняемых работ. Даже в период наивысшего расцвета в проектно бюро трудилось не более 20 инженеров, чертежников и техников. Такое было возможно потому, что Шухов практически не нуждался в помощниках. По воспоминаниям сотрудников, «все расчеты своих многочисленных сооружений Владимир Григорьевич делал только лично сам и так кратко, что понять их постороннему было очень трудно... Сосредоточенность его была поразительной. Приходя в 10 ч в контору, он садился за свой стол, раскрывал тетрадь большого формата и начинал, глубоко вдумываясь, писать цифры, цифры и только цифры. Если он и уходил куда-нибудь, то только в свою обширную библиотеку, где просматривал журналы на иностранных языках (В. Г. Шухов владел почти всеми европейскими языками, немецкий, английский и французский

знал в совершенстве — Е. Ш.). Разговоры на отвлеченные темы он позволял себе только во время завтрака, все остальное время тратил на работу и деловые беседы с посетителями, которых к нему приходило множество».

Владимира Григорьевича называли «человеком-фабрикой». Действительно, читая его рабочие тетради-дневники, нельзя не поражаться: почти каждый день в них — новый заказ, новая тема. Так, на рубеже 1880-х — 1890-х гг. он одновременно работал над тремя проектами, каждый из которых в отдельности мог принести ему славу и почет на всю жизнь. Именно в это время он изобрел свои знаменитые водотрубные паровые котлы, по отзывам специалистов, совершившие в теплотехнике целый переворот, оформил патент на приборы для непрерывной дробной перегонки нефти (крекинг-процесс) и составил проект московского водоснабжения.

Прошло еще несколько лет, и Шухов удивил мир фундаментальными изобретениями в области строительного искусства. Демонстрация их на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде принесла Строительной конторе высшую награду — право изображать на бланках и рекламных проспектах Государственный герб Российской империи.

Ежегодные обороты предприятия выросли с 500 тыс. р. в 1880 г. до 6 млн р. в 1895 г. К 1910 г. было выполнено заказов на сумму свыше 58 млн р., разработано 4825 проектных чертежей и возведено по всей стране 3240 резервуаров для нефти, спирта, керосина, 21 элеватор для хранения зерна, 370 км нефтепроводных линий, водопроводы в шести городах, 4210 паровых котлов, 417 железнодорожных мостов, 65 нефтеналивных баржей, восемь доменных печей, 45 сетчатых водонапорных башен, два маяка, металлические конструкции более чем для 200 зданий.

Главное проектное бюро неизменно располагалось на Мясницкой ул. (ныне дом № 24). В 1894 г. в Симоновой слободе был основан котельный завод. Постоянное отделение фирмы находилось в Петербурге, другие филиалы в разные годы

Инженеръ А. В. БАРИ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Мясницкая, 20.
КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ: Москва — Симонов.

Усовершенствованные патентованные паровые водотрубные горизонтальные и вертикальные

КОТЛЫ
системы „ШУХОВА“.

ПАТЕНТОВАННЫЕ СТАЛЬНЫЕ
ПАРОПЕРЕГРѢВАТЕЛИ
для паровыхъ котловъ воѣхъ системъ.

Желѣзные гиперболоидальныя
БАШНИ
для городскихъ, фабричныхъ, желѣзнодорожныхъ водоснабженій и маяковъ.
Постройка всевозможныхъ металлическихъ сооружений: здания, стропила и проч.
Постройка РЕЗЕРВУАРОВЪ, трубопроводовъ и станцій для перекачки нефти, керосина и спирта.

Рекламный проспект фирмы А. В. Бари. 1913 г.

были в Воронеже, Туле, Баку, Батуме, Козлове, Батайске, Ростове-на-Дону и других городах. Число рабочих, находившихся в распоряжении Строительной конторы, доходило до 3000 человек.

В записной книжке В. Г. Шухова имеются сведения относительно состава служащих фирмы и выплаченного им вознаграждения в 1900 г., том самом, в котором Владимир Григорьевич за свои изобретения был удостоен большой золотой медали на Всемирной выставке в Париже. Из записей следует, что в проекте бюро в Москве работали 16 инженеров, чертежников и техников, 31 мастер и монтер, 14 служащих канцелярии, 18 бухгалтеров, юрисконсульт, доктор, четыре сторожа и 11 артельщиков — всего 96 человек.

Высокой была заработная плата. Рядовые инженеры в среднем получали 4316 р. серебром в год, чертежники и техники — 1000 р., бухгалтеры — 1440 р., мастера и монтеры — 900 р., сотрудники канцелярии — 1840 р., табельщики и кладовщики — 650 р., артельщики — 480 р. Директор котельного завода зарабатывал 19 тыс. р., руководитель отъездных работ — 74 тыс. р., Бари — 290 тыс. р., Шухов

— 130—140 тыс. р. В названные суммы входили и проценты от прибыли, которые были тем выше, чем больше работал Шухов. Проценты эти получали все служащие, вплоть до кухарки, готовившей сотрудникам обеды.

Строительная контора стала прекрасной практической школой для выпускников Технического училища. Работая рядом с Шуховым, они общались к высочайшей культуре инженерного труда. Многие впоследствии начали собственное дело или стали профессорами.

Шухов, Бари вели широкую благотворительную деятельность, поддерживая крупными суммами ИМТУ, Комиссаровское училище и Политехническое общество.

В одной из работ философ техники П. К. Энгельмейер писал: «Почти все экономисты-теоретики стоят далеко от естествознания, на котором зиждется, в последнем счете, всякое производство. Таким образом, экономисты облачают предпринимателя в парадную мантию всех результатов труда инженера. А инженер, этот поистине творец и руководитель хозяйства, оттесняется на последний план со стороны власть имеющих... Не капитал, но духовная энергия инженера является важнейшим фактором производства...»

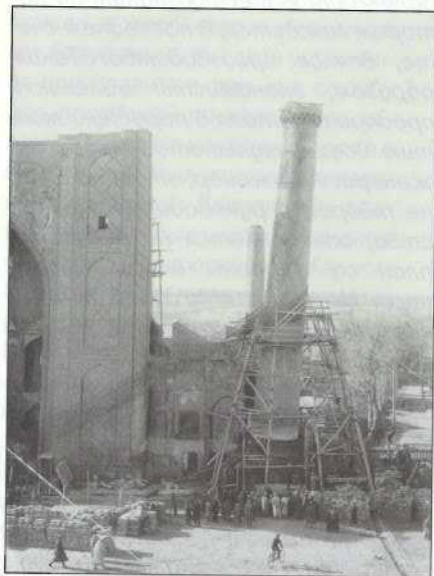
История фирмы Бари служит яркой иллюстрацией этого. Шухов мог изобретать и без Бари, и четверть века, что предприятие блистало после смерти Александра Вениаминовича, несмотря на войну, разруху, национализацию, прекрасно это подтверждает. Без Бари Шухов сделал свое первое изобретение — паровую форсунку, высоко оцененную Д. И. Менделеевым, построил дебаркадер Киевского вокзала и радиобашню, осуществил свою едва ли не самую гениальную идею — крекинг-процесс.

Несомненная заслуга А. В. Бари в том, что как предприниматель он сделал верную ставку — ставку на талант, на соиздательный дар, что позволило ему добиться крупного и длительного успеха и именно в этом он — пример для современных коммерсантов.

Личные отношения В. Г. Шухова и А. В. Бари складывались непросто. Признанный глава «Московской ин-

*Завод «Советский крекинг»
в Баку. 1932 г.*

*Работы по выпрямлению минарета
медресе Улугбека
в Самарканде. 1932 г.*

женерной семьи», проф. П. К. Худяков, прекрасно знавший обоих, относившийся к Александру Вениаминовичу с уважением, тем не менее утверждал: «На многочисленных шуховских изобретениях Бари нажил громадное состояние. Тогда говорили: «недаром он американец». А следовало бы говорить: недаром ему выпало счастье — опереться в своей работе на сотрудничество такого бескорыстного научно-технического работника, который всегда отдавал ему задаром свои

изобретения, — рекорд, никогда и никем не превзойденный, но и никем до сих пор еще не оцененный...»

Получая права на шуховские изобретения, Бари с большой неохотой соглашался на публикацию научных работ Владимира Григорьевича, в которых тот раскрывал суть и детали своих идей, а иногда и прямо запрещал публикацию, как это было, например, в случае с продолжением книги «Стропила» или трудом о перегонке нефти.

Шухов ценил Бари за то, что тот предоставлял ему относительную свободу действий, не жалел средств на необходимые научные эксперименты, и потому, несмотря на предложения конкурирующих фирм, оставался в Строительной конторе, многое прощая своему патрону.

В 1913 г. А. В. Бари умер. Унаследовавшие его дело сыновья не имели организаторских способностей, и все легло на плечи Шухова. В годы первой мировой войны Владимир Григорьевич выполнял ответственные заказы Артиллерийского и Морского ведомств (изобрел передвижные конструкции платформ под тяжелые артиллерийские орудия, создал более 40 типов морских мин, спроектировал и построил батопорт), не снижая при этом объемов работ по «мирным» заказам: проектировал конструкции двух крупнейших московских вокзалов, Киевского и Казанского, водонапорные башни, резервуары и т. д.

После Октябрьской революции Строительная контора была национализирована. Владимир Григорьевич записал в рабочей тетради: «Национализация предприятия Бари решена в марте 1919 г. Избраны Шухов, Мишин И. Д., Волков И. И. Мелле оставлен нами как главноуправляющий... 20 января. Правление наше, подчиненное Гомомезе (Государственное объединение московских металлообрабатывающих заводов — Е. Ш.), решено Гомомезой переменить. Шухов удаляется. Намечены два лица: Виноградов и Волков. 23-го на заводе выбран кандидатом Мишин как коммерческий представитель. Но 25 января завком наш избрал меня кандидатом в правление. Таким

образом, выбранными являются Мишин и я.

15 июля 1920 г. Получен мандат от ВСНХ о назначении управляющим заводом».

В 1925 г. контору присоединили к котельному заводу, в 1928-м хотели подчинить заводу подъемно-транспортного оборудования. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, как много сил Владимир Григорьевич потратил на то, чтобы отстоять, сохранить свое детище.

Вот что рассказывал он о предприятии в письме, написанном в его защиту и датированном 1929 г.: «Строительная контора по своей структуре представляет подвижную и гибкую организацию, характерной особенностью которой является выполнение заказов непосредственно на месте работ...»

Такая организация имеет большие преимущества по сравнению с чисто постоянно заводской... позволяет конторе успешно конкурировать с металлообрабатывающими заводами и давать более дешевую продукцию... В процентном отношении отъездные работы составляют от 55 до 70 %... Все отъездные работы ведутся непосредственно главной конторой, состоящими в ее распоряжении инженерами, техниками, монтажниками, мастерами и своими рабочими. Со дня основания Строительной конторы до настоящего времени всей технической частью всего предприятия руководит инженер В. Г. Шухов, по проектам которого исполнялись и исполняются все работы, как отъездные, так и на заводе...

Всей своей предыдущей обширной деятельностью Строительная контора доказала как свое право на самостоятельное существование, так и целесообразность и смысл такой организации...»

В 1930 г. Строительная контора вошла в ядро вновь созданного треста «Стальюм».

В. Г. Шухов возглавлял проектное бюро и завод «Парострой» в общей сложности 52 года, вплоть до 1932 г., когда он попросил освободить его от административных обязанностей, сохранив за собой консультационно-техническое руководство. ■